

В пять часов утра, когда в деревнях, окутанных инеем, еще пели петухи и не было видно ни огонька, перед городской площадью уже собралась длинная очередь. К семи

часам ключья тумана, повисшие на развалинах зданий, растворились в бледном утреннем свете. По дороге маленькими группками — по двое, по трое — прибывали люди: сегодня был рыночный день и день праздника.

Мальчик стоял за двумя мужчинами, увлекшимися беседой. Голоса их звучали громко, и казалось, что в прозрачном холодном воздухе слова разносятся особенно далеко. Мальчик топал ногами, дул на свои красные, потрескавшиеся руки и поглядывал на длинный хвост одетых в грязную мешковину людей.

— Эй, паренек, чего тебе тут понадобилось в такую рань? — спросил мужчина, стоявший позади него.

— Занять место в очереди, вот чего, — ответил мальчик.

— Шел бы ты лучше отсюда, а место свое уступил тому, кто может понять все это.

— Не приставай к парню, — оглянулся вдруг один из разговаривавших.

— Да я пошутил, — и человек положил руку на голову мальчика.

Тот сердито стряхнул ее.

— Просто меня удивляет, когда мальчишки вылезают из постели в такую рань.

— А этого паренька, должен я тебе сказать, интересует искусство, — ответил защитник мальчика, которого звали Григсби. — А кстати, как твое имя, малыш?

— Том.

— Так вот, Том, уж ты-то наверняка постарайся — плюнешь как следует, без промаха, а?

— Еще бы!

По очереди прокатился смех.

В нескольких шагах от них оборванный старик продавал какой-то напиток в потрескавшихся чашках. В стороне был разведен костер, и над ним в ржавой жестянке булькало темное варево. Варево это отнюдь не походило на кофе. Изготавливали его из ягод, что росли на лугах за городом, и продавали по пенни за чашку. Оно согревало, но даже эта бурда далеко не всем была по карману.

Том посмотрел вперед. Там, у развалин каменной стены, начиналась очередь.

— Я слышал, она улыбается, — сказал он.

— Это точно, — ответил Григсби.

— Я слышал, она на холсте красками нарисована.

— Правда твоя. Только я думаю, что росла на лугах за городом. Настоящая-то, говорят, была на дереве нарисована когда-то давным-давно.

— Я слышал, лет четыреста назад.

— Может, и больше. Кто знает, какой сейчас год.

— Сейчас 2061-й.

— Это только так говорят, парень, а говорить можно что угодно. Все это враки. Может, сейчас 3000-й год, а может, и 5000-й, откуда знать? Такая заваруха была, что остались нам после нее одни обломки да развалины.

Они медленно передвигали ноги по холодным камням мостовой.

— Долго еще стоять? — робко спросил Том.

— Теперь уже скоро, всего несколько минут. Они там вокруг нее такую штуку соорудили: четыре медных столба вбили, бархатную веревку протянули — все, чтоб народ не добрался до картины раньше времени. Так что заруби на носу, парень, камнями в нее кидать запрещено.

— Да, сэр.

Солнце поднялось высоко в небе, жара заставила людей сбросить грязные пальто и засаленные шляпы.

— А чего мы стоим в очереди? — спросил Том. — Только чтобы плюнуть в нее?

Григсби отвел глаза и посмотрел на небо.

— Эх, Том, нам есть из-за чего стоять, — и он привычным движением потянулся к невесте когда оторвавшемуся карману за сигаретой, которой у него давным-давно не было и в помине.

Том часто видел такие жесты.

— Видишь ли, какая штука, Том, причин у нас много. Дело тут в ненависти к тому, что было в прошлом. Вот объясни ты мне, как докатились мы до того, что вместо городов у нас развалины, дороги — одни рытвины да ухабы, а поля по ночам светятся от радиоактивности. Паршивая была заваруха, вот что я тебе скажу.

— Да, похоже на то, сэр.

— Вот потому, Том, мы и ненавидим все, что привело нас к этой заварухе. Так уж устроен человек. Может, это и неправильно, но только так он устроен.

— Кажется, мы ненавидим всех подряд, без исключения, — сказал Том.

— Это так. Всю эту паршивую шайку, что когда-то правила миром. Из-за нее мы теперь голодаем, дрожим от холода, ютимся в пещерах. А вдобавок еще не пьем, не курим, и ничего-ничего не делаем, кроме как ходим на праздники. Да, Том, только праздники нам и остались.

И Том вспомнил, на каких праздниках он бывал в прошлые годы. Однажды они рвали на площади книги и жгли их. Тогда все напились и веселились до упаду. А на празднике науки — месяц тому назад — они вытащили на площадь последний уцелевший автомобиль. Все тянули жребий. И тем, кому повезло, разрешалось один раз изо всей силы стукнуть молотком по машине.

— Помню ли я этот праздник, Том? Еще бы не помнить! Ведь мне выпало счастье разбить ветровое стекло. Да-да, ветровое стекло — хочешь верь, хочешь нет. Эх, и звон же от него пошел — «дзин-нь!».

И Тому показалось, что в ушах у него до сих пор стоит звон разбитого стекла.

— А Билу Хендерсону поручили мотор распатронить. Он здорово за него принялся: в два счета расправился. «Бах-трах» — и делу конец. А еще лучше было, — вспоминал Григсби, — когда громнили фабрику, что самолеты выпускала. Жаркое дельце было, и сейчас приятно вспомнить, — продолжал он. — А потом мы наткнулись на типографию и военный склад. Взорвали их разом! Теперь понял, парень?

Том немного подумал.

— Пожалуй.

Солнце стояло высоко в небе. Городские руины распротраняли зловоние. По обломкам зданий ползали какие-то существа.

— А она уж больше не возвратится, а, мистер?

— Что? Цивилизация, что ли? Да кому она нужна? Уж во всяком случае не мне.

— А мне кое-что в этой самой цивилизации было по душе, — заметил человек, стоящий сзади, — кое-что у них было вовсе не так уж плохо.

— Да бросьте вы об этом болтать! — прервал его Григсби. — Все это было, да быльем поросло.

— И все-таки, — сказал человек, стоявший сзади, — когда-нибудь появится парень с башкой на плечах и постарается починить обломки цивилизации. И будет это человек с душой, помяните мои слова.

— Нет, не появится, — сказал Григсби.

— А я говорю, появится. Человек с любовью к красоте. И, может, он вернет нам цивилизацию. Конечно, не всю, что была раньше, но хоть часть ее — такую, чтоб при ней можно было жить мирно.

— Вот-вот. И прежде чем ты успеешь опомниться, снова разразится война.

— А я верю, что на этот раз все обернется по-другому...

* * *

Наконец очередь добралась до главной площади. С площади было видно, как в город въехал всадник со свитком бумаги в руке. Центр площади был огорожен веревками. Том, Григсби и другие медленно продвигались к столбам, накапливая во рту слюну. Они глядели во все глаза на полотно и были готовы ко всему. Том чувствовал, как быстро и тревожно бьется его сердце, как жжет босые пятки раскаленная земля.

— А ну, Том, давай припустим!

По углам огороженной площадки стояли четверо полицейских. На руке у каждого была желтая повязка — символ власти над людьми. Полицейские следили за толпой: вдруг кому-нибудь вздумается швырять камни в картину?

— Они здесь для того, чтобы все могли сначала посмотреть на нее. Пусть потом никому не будет обидно, понял? — сказал Григсби мальчику. — А теперь пошли дальше!

Том остановился перед картиной и долго, пристально вглядывался в нее.

— Плюй, Том!

Во рту у Тома пересохло.

— Давай, давай, пошевеливайся!

— Но ведь она... — медленно проговорил Том, — она красивая!

— Эх, ты! Давай я за тебя плюну!

Григсби набрал слюну, и плевок, как снаряд, сверкнул в солнечных лучах.

Женщина на портрете улыбалась Тому своей таинственной, безмятежной улыбкой, а Том стоял, смотрел на нее, и сердце его билось часто-часто, а в ушах звучала музыка.

— Она красивая, — повторил он.

— Давай, давай, поторапливайся, а не то полиция...

— Смирно!

Толпа притихла. Минуту назад люди накидывались на Тома за то, что он застрял на месте, а теперь все послушно повернулись к всаднику.

— Как ее зовут, сэр? — тихо спросил Том Григсби.

— Картина-то? Кажется, Монна Лиза, Том. Да, точно, Монна Лиза.

— Я зачитаю объявление, — произнес всадник. — «По решению властей сегодня ровно в полдень этот портрет будет отдан населению с тем, чтобы все местные жители могли принять участие в его разрушении».

Том не успел опомниться, как толпа ринулась вперед и поволокала его за собой. Люди вопили, отпихивали друг друга. Полиция кинулась врассыпную. Слышался яростный многоголосый рев. Руки, как жадные клювы, тянулись к картине. Раздался сухой треск рвущегося полотна. Том почувствовал, как его отшвырнули прямо на раму. Подражая окружающим, он инстинктивно ухватился рукой за кусок холста, рванул его, услышал треск, потом упал на землю и выкатился из-под чьих-то ног прямо к краю огороженной площадки.

Он поднялся да так и остался стоять на месте. Окровавленный, в разорванной одежде, Том смотрел, как мужчины ломают раму, как старухи рвут холст на крохотные кусочки, размером с конфетти, и жуют их.

Том одиноко стоял среди беснующейся толпы. В руке, прижатой к груди, он сжимал обрывок холста.

— Эй, Том, где ты? — крикнул Григсби.

Но Том не отозвался. Он кинулся бежать. Выбежал на дорогу, изрытую воронками от бомб, помчался по полю, пересек мелкий ручеек и бежал, не оглядываясь, бежал, засунув судорожно стиснутый кулак под пальто.

Уже смеркалось, когда он вышел к маленькой деревушке, быстро прошел через нее. К девяти вечера он, наконец, добрался до разрушенной фермы. Из единственного уцелевшего строения, которое раньше служило сараем, раздавался храп. Там спала семья Тома: мать, отец и брат. Том ловко проскользнул через узкую дверцу и, шумно отдуваясь, улегся рядом с братом.

— Это ты, Том? — раздался в темноте голос матери.

— Я.

— Где тебя носило? — рявкнул отец. — погоди, вот уж утром я задам тебе жару!

Кто-то лягнул его. Это брат, которого заставили сегодня потрудиться вместо Тома на их крошечном участке земли.

— Не ворочайтесь! — прикрикнула на них мать.

Том лежал, стараясь не шелохнуться, изо всех сил прижимая руку к груди. И пролежал так добрых полчаса, не двигаясь и не открывая глаз.

Потом он почувствовал, как по его лицу скользит луч света. Луч холодного, бледного света. Луна вышла на небо, и ее тоненький палец, пошарив по сну, подкрался к Тому. Осторожно, прислушиваясь к дыханию спящих, Том вытянул руку. Некоторое время он еще колебался, а потом, затанув дыхание, разжал кулак и бережно расправил крошечный обрывок раскрашенного холста.

На ладони Тома лежала улыбка.

Том смотрел на улыбку, освещенную бледным светом, льющимся с ночного неба, и думал только об одном: «Улыбка! Какая прекрасная улыбка!» Потом, когда обрывок холста был уже бережно свернут и спрятан, Том закрыл глаза, и во мраке перед ним снова встала улыбка.

А потом он заснул. Луна поднялась высоко в холодное ночное небо и к утру спустилась, а Том все еще спал, и улыбка, нежная и добрая, была с ним.

Перевод с английского Л. Беспаловой

